

Виталий Лиходеев

КАЛЕЙДОСКОП
ИСТОРИИ

12+

Виталий Григорьевич Лиходед

Калейдоскоп историй

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63499961

SelfPub; 2020

Аннотация

Сборник деревенских, мистических и городских рассказов.
Увиденные, услышанные и придуманные истории.

Виталий Лиходед

Калейдоскоп историй

Велик с мотором

Однажды, в детстве я увидел старика. Он проехал мимо нашего дома на велосипеде с мотором. Я долго смотрел ему вслед, и думал:

– Мне бы такой!

Прошли годы, я давно забыл о детской мечте, сменил много разной техники. Были у меня и мотоциклы, и машины, но вот однажды, я снял домик на пасеке и случайно увидел в сарае старый велосипед, на котором стоял мотор.

Пасечник Егорыч долго смотрел то на меня, то на мой «Опель», то на велосипед, после того, как я попросил его продать мне этот старый, сломанный велик. Долго думал, но потом, хитро прищурившись, выдал: «Литр».

– Согласен – улыбаясь, ответил я.

Он увидел мою улыбку, склонил голову на бок, скривил губы, посмотрел в небо и добавил:

– Не, лучше два, за два точно отдам. Сам посмотри, машина что надо, и права не нужны, и в любом состоянии за руль можно.

– Согласен, «два», – еле сдерживая смех, ответил я.

Егорыч вообще человек не жадный, недорого домик сдал

и мёдом угостил бесплатно, но иногда, его не узнать. Особенно, когда ему выпить хочется. В первый мой приезд принёс мне несколько досок, и целый час их расхваливал: «Липа. Хочешь, полки собери, а можно лавочку сделать. Посмотри, какой материал».

Я, конечно, купил их. А когда снова на пасеку приехал, то увидел старика мрачным. Оказывается, на следующее утро, после моего отъезда, одна бабка самогон ему принесла и попросила Егорыча сделать вешалку. Он за досками пошёл и вспомнил, что продал их мне. Расстроился. А потом целую неделю на них смотрел и мучился, но так и не решился взять. Ну, а когда я приехал, тут он мне всё и высказал.

Старик долго думал и решил, что два литра за велик с мотором нормально. Хитрый, знал ведь, что я его отремонтирую, но в город не увезу. Поэтому, дед сразу предупредил, что будет иногда брать его, и ездить куда-нибудь по делам.

Я отправился в деревенский магазин, купил водки, а когда вернулся, то получил от старика протертый тряпкой велосипед. Мне хотелось скорее сделать его и прокатиться. Я бережно закатил велосипед за дом, и поставив его у лавочки, взял из машины нужный инструмент и принялся за восстановление.

К вечеру, грязный, но довольный, я залил бензин, и, выкатив велосипед на дорогу, стал, со всей силы раскручивая педали разгонять его. Проехав несколько метров, я отпустил сцепление. Раздался оглушительный треск. Окрестных во-

рон как ветром сдуло. А я помчался по грунтовой дороге мимо жужжащих ульев и мрачных елей. Нарушая спокойствие леса, я, вращая ручку газа, усиливал грохот, выдавая огромные клубы дыма. Проехал метров двести, притормозил, медленно развернулся, слегка заехав на лесную поляну, и вернулся на пасеку к лавочке.

– Я просто не верю своим ушам! Неужели этот маленький моторчик так громко тархтит и дымит? Как трактор! – Возмутилась жена.

– Нет, трактор тише работает, – вставил Егорыч. – Конечно, если бы у него был глушитель, он бы так не трещал. А дымит он оттого, что зажигание неправильно выставлено, – добавил старик.

Жена посмотрела на меня, усмехнулась и поняла, что остановить это безумие не получится. Но я, успокоил её:

– Не волнуйся, я по полям кататься буду.

А Егорыч, видя моё счастливое лицо, пожалел, что мало водки взял. Так как всё это дело придется обмывать. И меня тоже придется отмывать – в бане, которую теперь ему готовить надо.

Я ещё немного покатался, задымил всю пасеку и, загнав велик в сарай, пошёл мыться в баню.

После бани, за ужином, старик долго рассказывал о том, как он сам когда-то с грохотом ездил на этом велосипеде в деревню. За ним гонялись бабки и даже один раз окатили водой, после чего он упал и вывихнул ногу. Обмыв удачную

покупку и ремонт, мы решили ещё раз прокатиться. На пасеку опустилась ночь. Я выкатил из сарая велосипед, завёл его и подъехал к крыльцу. Егорыч уселся на багажник, и мы помчались по лесной дороге к полю. Заржавевшая фара слабо освещала нам путь. А мы, сильно подпрыгивая на кочках, летели, нарушая тишину спящего леса. Дед запел песню, пытаясь переорать треск двигателя. Эта тряска и прохладный ночной ветер, прогнали из головы хмель. Егорыч, закричал ещё громче, показывая дорогу. И вскоре, мы ворвались в вечернюю тишину деревни и разбудили всех. Собаки с разных сторон лаяли на нас, а в некоторых избах загорелся свет. Старик показал на дом, возле него стояла женщина и смеялась. Мы затормозили рядом с ней.

– Ты что, старый развратник, молодость вспомнил? – Усмехнулась женщина?

– Принимай гостей, Семёновна! – Закричал старик, ещё не отвыкнув от треска мотора.

Мы прошли в дом. Хозяйка быстро накрыла стол.

Грибочки, капуста, картошка. Она поставила в центр стола огромную бутылку, наполовину заполненную мутной жидкостью.

– Или может вам магазинную, с картинкой? – Спросила хозяйка.

– Нет. Эта лучше. Почувствуй разницу, – добавил Егорыч словами из рекламы, и засмеялся.

Тут-то мы с ним расслабились.

Во время ночного застолья он рассказал, как много лет назад ездил к Семёновне на этом велосипеде. Она, заранее знала, что он едет, и встречала его. Потом судьба развела их. Егорыч уехал, а Семёновна вышла замуж. Прошли годы, Семёновна осталась одна, дети разъехались по городам, да и Егорыч живёт один на пасеке. У каждого своё хозяйство, которое никто из них бросить не может. Так и встречаются по праздникам и при случае.

После продолжительного застолья старик повеселел ещё больше и, решив показать чудеса вождения, угодил в канаву. А Семёновна подшучивала над ним, приговаривая: «Постарел, но не поумнел». Мы долго смеялись над пьяным дедом, а заботливая хозяйка смазала ему содранную руку йодом. Вскоре, он успокоился, и мы легли спать.

Проснулся я к обеду, встал, оделся и увидел Семёновну и Егорыча за столом в кухне. Они пили чай с вареньем. Вчерашняя недопитая бутылка стояла на столе. Старик немного подлечился. Спросил меня, не болею ли, но я, на удивление, чувствовал себя хорошо и похмеляться не стал. Решив ехать, мы попрощались и поблагодарили хозяйку. Я завел велосипед, а дед, крепко ухватившись за сиденье, устроился на багажнике. Мы поехали на пасеку.

На дорогу выбежали деревенские дети, они смеялись, размахивали руками, но один мальчик просто стоял, широко раскрыв глаза. Я заметил этот взгляд и вспомнил себя, как когда-то мальчишкой смотрел на такой же велик с моторчи-

ком и мечтал о нём. Мы остановились, Егорыч подошёл к мальчугану и спросил:

– Как поживаешь, Лёшка?

Но тот, смотрел только на велосипед. Дед негромко шепнул мне на ухо – мол, мальчишка сирота и живёт у хороших, но чужих людей. Я посмотрел на старика, на Алёшку и спросил мальчика:

– Нравится?

– Ага, – не отрывая взгляд от велосипеда, ответил он.

– Забирай его, он твой, – сказал я.

– Это правда, мне? – Заикаясь от волнения, выдавил из себя Лёшка.

– Тебе, тебе, бери, пока не передумал, – произнёс я и отдал велосипед мальчику.

– Слушай! Ты настоящий мужик, – хлопнув меня по плечу, произнёс Егорыч. И тяжело вздохнув, добавил – Аж сердце защемило.

Я посмотрел на него и увидел в глазах старика слезы. Положил ему руку на плечо, и мы пошли, обнявшись, пешком на пасеку, счастливые и довольные.

Дед щербатый

Жил да был в одной деревне дед щербатый. Любил он возле своего дома на лавочке сидеть. Как ни приеду к его соседям, на пару дней отдохнуть, каждый раз его встречаю.

– И когда он только делами занимается? – Поинтересовался я у хозяйки дома.

У него все в порядке, – ответила она мне. – Дед встает рано, на заре. Все дела переделает, а потом целый день сидит на лавочке, всех кто мимо него проходит, разными прибаутками смешит. Люди его уважают и даже побаиваются. Он ведь насквозь видит, а уж если что посоветует, или предупредит о чем, все сбывается.

– Интересно, – подумал я, – наверное, стоит с этим дедом пообщаться. Может, и мне что хорошее скажет? – Подумал, да и забыл об этом.

На следующий день, встал рано, позавтракал и пошел на Луг. В этой деревне Лугом местные жители называют место, где река Бесядь на пару километров выходит из берегов. Основное русло, как бы растворяется в поле, превращаясь у ближнего от деревни берега в небольшие речушки, заводи и мелководья, а у дальнего в широкие разливы. Вода в них темная и чувствуется глубина, которая к себе тянет. На мелководье, кое-где между речками растет кустарник и камыш, а с другой, глубокой стороны начинается старый лес – Дубрава. Темный, высокий, если на него издали смотреть, кажется, что его мрачная синева вонзилась верхушками своих огромных елей и сосен в небо и силой удерживает его. В детстве я очень любил это место, а леса боялся. Местные мальчишки пугали, страшные истории о нем рассказывали. Но, грибы и ягоды собранные в Дубраве ценились даже среди местного

населения.

Попасть в этот лес, всегда было непросто. Бывало, сделают мужики временную кладку через весь луг и так, запросто по ней бегают, что кажется – я бы тоже смог. Но что такое кладка? Это низкий в одну доску мостик, к которому с одной стороны прибит шаткий поручень. Мальчишкой, я пробовал пройти по этой кладке, но не смог – страшно. Она скрипит, шатается, а черная вода затягивает и пугает своей глубиной. Я всегда любил ближний берег. Его мягкий песочек, солнце, теплую воду мелководья, молодой ельник, в котором можно маслят набрать, березовую рощу и лесополосу вдоль дороги. Все эти места были исхожены мной вдоль и поперек. Но, однажды, мой отец, нашел с этой стороны молодой березняк, открыл там место богатое грибами, про которое даже деревенские грибники не знали. Бывало, проснемся поздно, пойдем в лес, после того, как местные уже прошлись, и домой с грибами вернулись, но там, в этом березняке, мы целую корзинку всегда набирали. И грибы все хорошие, большие и конечно не червивые. Назад возвращаемся, а местные бабки за глаза бормочут: «Гляди-ка, городские, грибы нашли? Надо же?» А иногда, устав от хождений по лесу зайдем на Луг искупаться и отдохнуть. Расстояния-то приходилось преодолевать большие. От деревни до леса только километра три, да по лесу все пять намотаешь пока все грибные места обойдешь. Вот бывало, выйдем из леса, а тут и Луг – вот он!

Мальчишкой я всегда любил одну заводь около молодого

ельника. Песочек там и на берегу, и на дне мягкий, нет жесткой, колючей, подводной травы, как в других местах. Зайдешь в воду, на несколько метров, а тебе все по пояс. Вода чистая можно камушки на дне рассматривать и теплая, как парное молоко. Барахтаешься, плаваешь, цепляясь ногами за дно – из воды не выгонишь. Родители отдыхают, а ты как будто по-настоящему переплываешь эту заводь и только тебе одному известно, что эта заводь на самом деле огромное бушующее море, и ты сильный и смелый справляешься, с этой стихией. Жаль, что я так и не научился плавать. До сих пор если ногами дна не чувствую, то и плыть не могу. Наверное, поэтому, именно эта заводь стала для меня родной.

Мы стали взрослыми, и мало кто помнит о своих детских фантазиях, а Луг остался таким же. И только здесь я могу спокойно отдохнуть в гармонии всего живого и не живого. Поэтому, и приезжаю сюда, а когда приехать не могу, вспоминаю, и это помогает жить в серой суматохе города.

Вот и в этот раз, отдохнул я на берегу любимой заводи, искупался как мальчишка на мелководье, забыл о делах, проблемах и счастливый возвращался в деревню. Вижу, на лавочке дед сидит, улыбается. Вспомнил о том, что мне хозяйка говорила, думаю, как бы разговор начать? А он сам, как будто мысли мои прочитал:

– Присаживайся, – говорит, – рядом. Что, отдохнул? А что же грибочков на любимом местечке не набрал? Там и сейчас грибы есть.

– А вы откуда знаете, про грибное место? – Удивился я.

– Знаю, отец твой любил туда ходить, – ответил старик и хитро улыбнулся, показав мне свои редкие зубы. – Ты следующий раз корзинку бери, а хозяйка тебе из них жарехи сделает – не пожалеешь. Она хорошо готовит. Помню, после войны у нас кроме гнилой картошки ничего не было. Так она из нее знаешь, какие шкряльки делала? Я тогда за ней ухаживал, жениться хотел. А она мужа с фронта ждала. Ей похоронку на него прислали, но она не поверила, ждала. И дождалась! Вернулся ее Николай, правда, без ноги, через четыре года приехал. Он во время войны в штрафбат попал. Его в самое пекло бросили. Все погибли, а Николай чудом уцелел. Раньше как было, провинился тебя в штрафбат. Ранили – значит, смыл свою вину кровью. А он хоть и раненый был, но все равно после госпиталя посадили. Чего уж натворил, не знаю? Мужик хороший был, помер совсем недавно. А я вот теперь думаю, может посвататься к хозяйке твоей. Не поверишь, она до сих пор мне нравится. Я тебе знаешь, что, парень, скажу – все надо доделывать. Тянут недоделанные, брошенные дела, напоминают о себе. Зачем эту тяжесть с собой уносить. Нужно на этом свете все дела заканчивать.

– Странно, – удивился я.

– Можно, конечно, махнуть рукой и не думать об этом, – продолжил старик, – но, рано или поздно мы все равно возвращаемся к старому. И не приятно вспоминать, если что-то сделал в жизни не так. А ведь можно все исправить!

– Как, – еле сдерживая любопытство, поинтересовался я.

– Просто! Ты вот человек чистый, места эти любишь. Приезжаешь серый, а уезжаешь, светишься. Но каждый раз ты вспоминаешь одно и то же и не можешь победить свой страх. А ведь с этого все и начинается, вся жизнь. Выправи начало, и сам увидишь, как остальное подравняется.

– Что? Что я должен сделать? Что исправить? – Чувствуя, что старик, зацепил за живое, спросил я.

– Вот, темнеет уже, скоро ночь. А ты вернись на Луг да пройди до Дубравы по кладке. А там, в лесу правее бери. Малинник найдешь, и если не трудно ягод собери. Нравиться мне тамошняя малина. Я ее ни с какой другой не перепутаю. Ступай! А если не сможешь, ничего, может в другой раз получиться.

– А откуда вы про кладку знаете? – В растерянности спросил я, а сам подумал:

«Вот так дед, ударил меня в самое больное место. А ведь, правда. Я каждый раз вспоминаю свой детский страх, когда смотрю на Дубраву. И если честно признаться, были у меня мысли, попасть туда. Один раз хотел надувную лодку привести, но почему-то не привез. Другой раз решил обойти этот лес со стороны, но когда посмотрел карту, передумал. Слишком он большой, да и переходит в другие леса. В одиночку не пройти, нужно хорошо ориентироваться или знать хотя бы одну правильную тропу или дорогу. Да, поставил меня старик в неудобное положение. Понимаю, что надо идти именно

сегодня. И как бы в знак подтверждения, что я смог, нужно принести ему малины. Хитрый, предупредил, что вкус знает, с другой не перепутает. Не обманешь! А ведь сколько раз в жизни я искал легкий путь и шел по нему – в обход. Четко осознавая, что смело, на пролом пройти не смогу. И так во всем; в делах, в личной жизни, искал не те выходы и боялся трудностей, которые создавал сам себе».

– Я сынок, жизнь прожил, многое видел, – ответил на мой вопрос дед. – Ты, иди, не бойсь! – Уверенным голосом добавил он.

Во мне как будто что-то щелкнуло, переключилось и непонятно почему, я встал и пошел к Лугу.

– Кладка теперь в другом месте, – мне в спину крикнул старик. – Справа, где елки у самой воды.

Я обернулся и хотел сказать спасибо, но не смог, а ноги сами понесли меня вперед. Первый километр до Луга пытался сосредоточиться и осознать, откуда этот щербатый дед все знает? Разные мысли посещали меня.

– Может он экстрасенс, или народный целитель? – Думал я. Но тут же отвечал сам себе: «Нет, он никого не лечит, хотя это понятие относительное. В наше время вылечить душу важнее, чем исцелить тело!»

Я подошел к ельнику, пытаюсь сконцентрироваться перед решительным действием, к которому шел всю жизнь. Но все старания были тщетны. Я не понимал кто, или что руководит мной? Но, ноги шли вперед.

Вышел на Луг и сразу увидел несколько елей, странно склонившихся к воде. Огляделся вокруг. На реку опустился вечер, окутав ее своей тьмой и прохладой. Я посмотрел на другой берег и почувствовал, как по спине пробежала дрожь. Над дальним берегом реки стояла сплошная, черная полоса. Кто там? Что? Почему я даже спокойно смотреть туда не могу? Страх! Это мой собственный страх, который родился в детстве и вырос за годы, превратившись в страшное чудовище. Я смотрел в этот лес, а видел то, что вырастил внутри себя. Сейчас мне предстояло убить этого невидимого зверя и очистить душу от тьмы, которая живет во мне с детства. Неведомая сила охватила тело и понесла меня к склонившимся над водой елям. Я увидел кладку. Вот она! Старая, наверно прошлогодняя. В некоторых местах отсутствовал поручень, а кое-где доски потрескались и ушли под воду. Я решительно шагнул вперед. Доски задрожали, стали вибрировать, возможно, от старости, или оттого, что сам весь трясся. Шаг, второй, потерял равновесие, схватился за поручень, который сломался и остался у меня в руке, но я устоял. Бросил отломившийся кусок жерди в воду, а сам снова шагнул вперед. Доска закрипела и ушла под воду. Я по колено оказался в воде. Еще шаг, и мне показалось, что черный пугающий лес протянул ко мне невидимые руки и стал толкать, давить в глубину. «Я же не умею плавать!» – где-то внутри себя заорал я. Но, сделав глубокий вдох, вытянулся вперед и быстро пробежал пару метров мелкими шажка-

ми. Остановился на небольшой широкой доске. В этом месте кладка оказалась прочной. Я взялся за поручень и перевел дыхание. Постояв минуту, может больше, решился и пошел вперед. Теперь мне казалось, что надо мной кто-то летает, а с берега целая толпа невидимых людей наблюдает и ждет от меня падения. Они уверены, что я остановлюсь, плюну на все и убегу в деревню. Еще шаг, еще. Пристроился, приноровился к шатаниям кладки и с непонятной мне уверенностью пошел вперед. В какой-то момент все отключилось; и сознание и тело.

Выдохнув всю тяжесть перехода, понял, что сижу на другом берегу реки. «Вот она эта Дубрава!» – Радостно крикнул я. Посмотрел на высокие ели, а затем в небо и подумал: «Как много звезд! Как будто кто-то рассыпал мелкий светящийся песок. А вот и знакомые созвездия Орла, Лиры! Полярная звезда! Но, нужно вставать и идти вправо. Где-то там малинник?» Я вошел в лес. Мне показалось, что старые ели и сосны проснулись от векового сна, и разбудил их я. Они, тяжело вздыхая, нехотя пропускали меня к своим тайнам. Где-то закричала птица! Я вздрогнул! Отдышался и пошел дальше. В этой лесной тьме я не был уверен, что смогу найти нужные ягоды, но я шел вперед. Случайно наткнулся на паутину, растянутую между сухими ветками. Остановился, чтобы стереть с себя ее нити. Вытер лицо и, раздвинув кусты и ветки, решил перешагнуть через упавший ствол. Но в этот момент мне показалось, что я нечаянно раздавил ру-

кой что-то влажное. Посмотрел на ладонь, увидел остатки ягоды. Попробовал на вкус – малина. Забыв о страхе, лесе и темноте достал из кармана листок бумаги, в котором утром был завернут бутерброд, сделал кулек и стал собирать в него ягоды. Через одну я клал в рот. И действительно, прав оказался старик, такой вкусной малины я никогда не пробовал. Собирая, совсем забыл, где нахожусь. Через час вернулся к кладке. Держа в одной руке кулек с малиной, счастливый, я спокойно прошел обратно, нет, точнее перелетел на невидимых крыльях. Почти бегом добрался до деревни. Но бежал не от страха, а от желания скорее вручить старику кулек с малиной. Я подошел к его дому и стал настойчиво стучать, но мне никто не открыл. Немного расстроившись, решил отдать ему ягоды утром. Вернулся в свой дом и когда открыл дверь, увидел щербатого деда сидящего за столом в кухне. Рядом суетилась хозяйка, накрывая на стол.

– Представляете? – обратилась она ко мне, – старый дурень чего удумал? Свататься пришел! Садитесь, ужинать будем. Небось, проголодались? Сегодня чего-то вы поздно?

– Да – уж задержался, – ответил я и торжественно добавил, – совет да любовь!

Подошел к столу и, посмотрев в глаза деду, высыпал ягоды в стоящую перед ним тарелку.

Неприкасаемая лесная душа

Егор Семёнович остановился, ещё раз посмотрел по сторонам и понял – он заблудился. Старик медленно опустился на мягкий мох и испуганно посмотрел в серое, свинцовое небо из которого вырывались колючие капли дождя: «Не может быть, я весь этот лес знаю с детства», – растерянно подумал он. В голове всё перепуталось. Егор Семёнович закрыл глаза и попытался успокоиться, но мрачные мысли бурно нахлынули на него.

Постепенно опускались сумерки, а он сидел, облокотившись на сломанную ветром ель, и пристально смотрел в лес, пытаясь увидеть хоть что-то знакомое. И в этой наступающей мгле, которая стала сливаться с чернотой леса, он разглядел просвет:

– Не может быть? Бабкины сказки!

Старик поднялся и медленно пошёл вперёд, с трудом пробираясь сквозь густые сучья и паутину. Он видел впереди свет, который манил к себе, обещая спасение.

Окончательно устав, он все же вырвался из плотно заросшего леса и вышел к свету, на поляну. Увидев её, его пробил холодный пот, и обессиливший дед упал на чёрную землю.

– Вот она, та самая, «Чёрная поляна», про которую все сказки придумывают.

Он обхватил голову руками и сильно зажмурился, не желая видеть всё это.

Поляна действительно была мрачной и безжизненной. Даже птицы облетали её стороной, а в деревне поговаривали:

«Если кто на неё выйдет – не жилец».

Над этой чёрной землёй стояла зловещая тишина, которая стала давить на Егора Семёновича и он, не выдержав, вскопчил и из последних сил побежал обратно в лес.

«Эх, зря я бабуку свою не послушал! Права она оказалась. Нельзя рубить «Белую осину»!»! – пробираясь сквозь заросли думал он.

Силы окончательно покинули тело и дед, споткнувшись, упал на мох, а подняться уже не смог. Да и куда бежать, ведь дороги старик всё-равно не знал. Сквозь опустившуюся тьму он разглядел сухое место и медленно отполз туда. Отлежался, потихоньку встал и решил развести костёр. Надежда, что завтра он увидит солнце и спокойно выйдет, была, но страх оставался и не уходил.

Прошло несколько часов. Егор Семенович немного успокоился, отдохнул, развёл костер, и молча сидел, вглядываясь в языки огня, вспоминая прошедшие события:

– Не прав я, – ругал он сам себя. – Из-за дурацкого спора с мужиками хвастался, что принесу «Белую осину». Да и как можно представить, что эта осина хозяйка леса? Нельзя, – разговаривал он сам с собой. – Но вот сижу здесь и дороги не знаю. Да и хлеба мало, а на ягодах долго не протяну. Мужики сразу не пойдут искать, не поверят, что я заблудился.

Мокрая, тяжёлая тишина продолжала висеть вокруг. Егор Семёнович посмотрел в чёрное, затянутое небо и увидел в нём еле заметную звёздочку. Воспоминания нахлынули на

него, и он стал вспоминать всю свою жизнь. Поджав под себя ноги, он лежал на мягком мху, слушая потрескивание малиновых углей. Он вспомнил, что вся его жизнь связана с лесом, и почему он неблагодарный решил убить душу этого огромного зелёного существа. Вспомнил, что сегодня вышел на «Чёрную поляну». Все кто её видели из деревенских – долго не жили. Это новым страхом заскулило где-то под сердцем. Но усталость взяла свое, и старик вскоре уснул, и та звёздочка на небе, стала уже сном и каким-то спасительным светом, начала успокаивать уставшую и испуганную душу.

Проснувшись, Егор Семёнович увидел всё тоже затянутое тяжёлое небо и понял, что выйти не сможет.

Несколько часов он метался по лесу, пытаясь найти хоть что-то знакомое, но лес не отпускал его. А главный ориентир – небольшая речка, как нарочно, спряталась под землю. Ведь он точно знал, где она, но её почему-то не было. Потеряв силы, он упал на мокрую землю и заплакал. Из души вырвались крики. Дед стал вымаливать прощение у деревьев, кустов, старых пней и даже холодной земли, в которую он плакал. Постепенно старик стал осознавать, что всё, это конец. Скоро он потеряет сознание, а дикие животные, и холод сделают своё дело. В деревне, после этого появиться новая история, как дурной старик Семёнович решил срубить «Белую осину».

Он продолжал мучаться от бессилия, но вскоре уснул от усталости и увидел яркий цветной сон. Как будто бы он,

счастливый идёт по лесу, а все звери рады ему. Солнышко необычно тепло греет и ему хорошо и легко. Но, что-то колючее стало сжимать тело, он почувствовал боль и проснулся.

Сколько часов проспал Егор Семёнович на земле, он не знал. Вокруг появился иней, белый, пушистый и украсил всё вокруг. Старик медленно поднялся на колени, осмотрелся по сторонам и вдруг увидел в нескольких шагах от себя «Белую осину». Неуклюже, по-медвежьи он подполз к дереву и обнял его.

– Не бойся, красавица, не трону я тебя! Прости дурня старого!

Старик поднял вверх голову и увидел у кроны дерева сиреневое облако. Золотистый туман появился вокруг, птицы замерли, и наступила тишина. Сквозь тишину золотого тумана, Егор Семенович услышал, что где-то вдалеке работает трактор. Он вновь огляделся и увидел появившееся на небе солнце. Земля, как будто развернулась перед ним. Старик ясно понял куда идти и понял то, что душа леса простила его. Он отошел на несколько шагов в сторону, поклонился до земли дереву, ещё раз попросил у него прощения. Молча отвернулся, чувствуя вину и, не задерживаясь, пошёл к полю, на котором работал трактор. Откуда-то появились силы и Егор Семенович, вскоре вышел из леса.

А в деревне, никто не заметил его отсутствия, да и о глупом споре, мужики быстро забыли.

Портрет

В деревне Лысый бор, на улице Лысовке жил лысый дед Гараська. Смолоду он облысел и всю жизнь стеснялся своей лысины: шапку-ушанку носил. Даже в самую жару ее не снимал. В кино любил ходить и всегда на последний ряд садился, чтоб ему замечания не делали.

Бабульки соседки смеялись над ним, а он серьезно отвечал: «Не хочу, чтобы блеск моих мыслей видели». Веселый был дед и немного странный – в избе у него всегда порядок, даже пыли нет. Кто-то из бабулек рассказывал, что он каждый день на карачках по дому ползает, чистоту наводит и все время в шапке. Любили его люди. Плотник он был от Бога. Топорик в его руке смеялся и плясал, а он им так управлялся, что все удивлялись. Мог без гвоздей полку или вешалку сделать. В каждой его работе душа чувствовалась. Жил он один, не пил и всем помогал. Со временем привыкли люди к его шапке и не обращали внимания, что он даже в гостях, за столом, все время в ней сидит.

Любил Гараська юбилей справлять – пятьдесят лет. Он эту годовщину почти каждый год праздновал. Первый раз стукнуло ему пятьдесят еще лет пятнадцать назад. Все приходили, пили, он угощал, и все время о своей жизни вспоминал. Особенно те годы, когда церковь восстанавливал. Люди в его доме веселились, песни пели – чувствовалось в его избе ка-

кая-то особая добрая теплота. Но гости, подвыпив, все равно не могли удержаться, чтобы не подшутить над стариком: спорили, кто уговорит Гараську шапку снять. Никто ни разу спор не выиграл.

Решили однажды соседки подшутить над ним. И шутка эта родилась случайно.

Увидела баба Клава в клубе, в подвале, в куче хлама портрет. Какой-то мужик лысый – кто такой никто не знал. А портрет был богатый, цветной в резной раме. Оттерла она его от пыли, и домой забрала. Пришли к ней соседки в гости, и Клава рассказала им, что у этого мужика на портрете лысина такая же, как у Гараськи. Она пару раз видела его после бани, без шапки. А тут и очередной день рожденья – опять пятьдесят. Решили соседки подарить деду этот портрет и слово взять, что он обязательно его на стену повесит. Пришли к нему на праздник, сначала слово взяли, а потом портрет подарили. Гараська увидел подарок, долго носом шмыгал, но слово сдержал – повесил над столом, и весь вечер стеснялся, а они, старые, смеялись над ним.

Прошло время о подарке забыли, но однажды, баба Клава к нему за лопатой зашла. Увидела протрет и сразу убежала. Не выдержала, помчалась рассказывать подругам, что чудак Гараська мужику на портрете шапку-ушанку нарисовал.

Прощение

С годами наши воспоминания заставляют перечитывать собственную книгу жизни. У каждого наступает период, когда он с сожалением смотрит на грехи и ошибки молодости: считает, что они переполняют чашу терпения и надеется, что прожитая жизнь останется тайной, известной лишь тем, кто осуждать не станет. Мы думаем, что никому нет дела до того, какая боль давит нас изнутри и напоминает о себе.

Пытаясь спрятаться, мы объясняем и оправдываем каждую ошибку из прошлого, не замечая, что воспоминания и есть тот самый намек свыше. Нам предоставляется шанс обрести спокойствие и исправить то, что с годами вросло в душу. Мы прячемся за слова и отворачиваемся от единственного шанса – помочь самому себе.

Каждый способен исправить ошибки. И если это сделано честно, искренне, от души, боль уходит, ее смывает раскаяние.

Все мы живем в непростом мире. На каждом шагу нас подстерегают искушения, но люди все равно влюбляются, идут от одного этапа жизни к другому. Иногда оборачиваются, а иногда просто забывают, как перешагнули через чью-то судьбу.

Старик Фрол прожил хорошую и честную жизнь, и никто из знакомых, не мог упрекнуть его в грехах. А он мучился, потому что когда-то не смог отстоять то, что дано было свыше, и этот поступок угнетал его. Жил он в деревушке, которая вдоль извилистой речки Переплюевки, доживала свой

век. Молодежь давно в город уехала, остались одни старики да старухи. Дома, как и люди, сторбились и кряхтели из последних сил, согревая печками своих обитателей.

Был у Фрола лучший друг Иван. Веселые были старики. Жизнь прожили, а успокоиться не смогли. Все что-то выдумывали и народ смешили. То один с крыши упадет, курицу задавит, то другой в речке, где воды по колено, купается.

Любил Фрол Переплюевку. Бывало, найдет самое глубокое место там, где по пояс, сядет, так что одна голова из воды торчит, и песню горланит. Никогда не выпивал, а вел себя иной раз, как пьяный. Ходил в трусах возле берега, ловил руками пескарей и радовался, как ребенок. Старухи над ним смеялись. А он, не замечал их, вспоминал, как в детстве по этой речке бегал.

В молодости Фрол был плечистым и высоким. Чуб носил рыжий, закрученный, начищенные сапоги и накрахмаленную рубаху. Все на работу старое надевают, а он каждый день, как щеголь, по деревне гуляет. Но однажды все изменилось, стал Фрол как все: состарился, похудел, кожа да кости, лысина и беззубый рот. С годами и силушки не осталось, а бывало, подбросит одной рукой бревно и играет с ним, как с дощечкой. Хоть Фрол и постарел, но дома все делал сам, никого не просил. Дрова пилил, траву косил, да и соседкам-старушкам помогал. А они его, как только не дразнили: «Кощей бессмертный», «Геракл засушенный», а иногда еще обидней – «дистрофик». Он не обижался, усмехался

да приговаривал:

– Чего с них, старых, взять? Бабы, оно, как куры, бегают по двору, орут, а толку никакого – один шум.

Соседка Клава, бывало, подойдет к дому старика и через забор ему с ухмылкой:

– Эй! Кашей! А ну иди, изгородь поправь!

Фрол возмущался, вредничал, спрашивал, почему она его заставляет, он же ей не муж?!

– Я тебя лет двадцать назад звала? А ты что? Так один бобылем и остался! – вздыхала Клава, вспоминая молодость. Нравился ей Фрол, да вот только взаимностью не отвечал.

Дед выслушивал ее, охал за компанию, а потом смеялся и подшучивал:

– Найдешь еще себе молодого!

Баба Клава стол накрывала, чаем угощала да снова скучала. А Фрол все время ворчал:

– Да ну тебя! В гроб пора, а у тебя все глупости в голове.

Его друга Ивана уважали в деревне. Но иногда люди вспоминали молодые годы и подшучивали над ним. Парнями любили они «дров наломать», да людей своими подвигами порадовать. Он да Фрол – оба хороши. Их так и дразнили – «Два амбара». Иван не меньше его был, даже поплечистей. Его густые черные волосы и карие жгучие глаза многим нравились. Но люди в деревне взгляда его побаивались. Умел он в душу заглянуть – всю правду увидеть.

Отучился после армии Иван в семинарии и вернулся в де-

ревенскую церквушку служить. Церковь эта была особенной. Ее белокаменные стены с осени до весны светились на закате. Видимо, место для нее мастер выбрал приметное – знал об этом. А весной, когда березки только распускали свои листья, всем казалось, что они, словно девушки, вокруг нее хороводы водят. Летом утопала церковь в зелени, и только крест, возвышаясь над зеленым морем густых садов, ярко горел в лучах солнца.

В трудные годы хотели эту церковь сломать, но люди отстояли ее. Нашли документы, доказали, что она историческую ценность представляет. Иван тогда больше всех старался, в Москву ездил.

Начал Иван служить, с годами возмужал. И так был крепким и высоким, а тут еще и бороду, как у богатыря, отпустил. Встретил хорошую, добрую девушку, женился на ней. Фрол тогда больше всех радовался. Он в это время в мастерской по дереву работал.

Это в молодости от них вся деревня охала, бабки ругались, а со временем пылу поубавилось. Часто вспоминали деревенские люди их забавы молодецкие, да и теперь посмеивались, особенно над Фролом. Он к старости еще чуднее стал. Но люди и тогда и теперь любили друзей, знали, что они хоть и силой горазды, но никого не трогают: сами по себе гуляют, сами песни поют и сами борьбу в капусте устраивают. Вот только будили они всех по утрам. Бывало, проснется батюшка Иоанн на рассвете, выйдет из своего дома на крыльцо и

так это, басом, что за пару километров слышно:

– Фрол, айда на рыбалку!

А Фрол жил на другом конце деревни. Он с печи спрыгнет, окошко приоткроет и ему в ответ: – Не, я за грибами!

Вся деревня их слушала и смеялась. Все просыпались и только о них и говорили: вот мол, горлопаны, разбудили. Люди на работу шли с веселым настроением и с песнями. А если Фрола или Ивана встречали, смехом заливались.

С молодости Фрол плотницкое дело уважал. Всех удивлял. Бывало, начнет что-то веселое рассказывать, а в это время топориком стружку с бревна снимает. Стружка под его шутки пляшет, а топорик смеется. Придут незнакомцы, хватать за топор попробовать, а проиграть с ним не могут – тяжелый. Зато у Фрола в руках он, словно пушинка, летал. Ни одну избу он поставил, да и полки с табуретками всей деревни делал.

Многое им в жизни пережить пришлось, и мужики были на зависть всем, да вот только в старости одни остались. У Ивана жена умерла рано, сильно простудилась в поле, да и Фрол вслед за ним овдовел. Долго его жена в больнице лежала, трудно умирала. Сыновья настояли и похоронили мать в городе, чтобы ближе было за могилой ухаживать. Фрол спорить не стал, но предупредил, чтобы его в родной деревне оставили, рядом с матерью и отцом.

В старости Фрола тоска, что на душе всю жизнь болела, скрутила. Еще в молодости полюбил он девушку, но ее отец

решил по-своему: отдал дочь за председателя. Люди жалели Фрола и Марусю, видели, что любовь у них настоящая. Но со временем забыли, а те, кто не забыл, не вспоминали, чтобы лишний раз не ранить их. Долго, тайно любил Фрол Марусю, никому об этом не говорил и виду не показывал. Повода не давал усомниться в ее порядочности. Когда понял, что не сможет оторвать ее от семьи и детей, сам женился. Воспитал с женой двух сыновей. Старший офицером стал, артиллерийское училище закончил, а младший – бухгалтером. Время прошло, сыновья женились и стали приезжать в гости с внуками и внучками: три девочки и два непоседы – мальчишки радовали старика. Фрол для них старался, игрушки из дерева делал.

У Ивана детей не было, но зато от братьев и сестер досталась целая орава внучатых племянников. Они досаждали добродушного деда. Пару раз Иван даже прятался от них у Фрола, но малыши его и там находили.

В последние годы Фрол часто Марусю вспоминал. Думал, что неправильно поступил, зря отдал ее другому, не настоял на своем, чувствовал вину. Видимо, не ушла любовь, да и Маруся за всю жизнь забыть его не смогла.

Последние годы жила она в поселке, а когда умерла, просьбу детям оставила, чтоб похоронили ее в родной деревне и чтобы крест на ее могилу обязательно Фрол сделал. Старик последнее желание исполнил. Сделал крест. Похоронили люди Марусю, помянули и стали жить дальше.

Заприметил однажды Иван странную вещь. На улице жара, лето, дождя месяц не было, а крест на могиле у Маруси мокрый. Решил он проследить. Всю ночь дежурил, думал, что Фрол совсем спятил, крест Святой водой поливает, прощение вымаливает за то, что оставил ее другому. Но Фрол на могиле не появился, а крест все равно мокрым остался. Решил Иван, что это утренняя роса, такое в деревне бывает. Весь день на жаре просидел, но все равно капли на кресте остались, не все высохли. Пришел он к другу рассказать об этом, а тот ему сам признался:

– Знаю, это душа ее плачет. За все годы слезы льет. Нужно мне покаяться, виноват я перед ней. Мог ведь уговорить ее развестись. Хотел, когда мужа ее с председателей сняли, но решил, что с ним ей лучше. Чего испугался? Наверное, остановило то, что у нее семья была, дети. А сам чувствовал, как тоскует она, по ночам меня вспоминает. Теперь, когда жизнь прожита, сделал ей крест честный, чтобы простила она меня – дурака. А слезы все равно льются. Как найти спасение? Чувствую, помереть спокойно не смогу, если прощения не вымолю.

Ушел в тот день Иван в церковь и долго думал, как помочь старому другу. Боль его унять.

– Это ж надо, как их души плачут?! Слезы на кресте у Маруси не высыхают, – мучился священник, долго думал и решил, что открыто сердце у Фрола для Бога. Человек он честный, за всю жизнь мухи не обидел, всем помогал, а вот за

любовь свою постоять не смог. Пришел к другу и попросил сделать для церкви распятого на кресте Иисуса Христа. Сказал, чтобы постарался так, как чувствует. Убедил тем, что должны люди помнить, какой мастер в деревне жил и добавил:

– Господь, он все видит. Маруся тебя простит, и ты сам это почувствуешь и поймешь. Что ты такого в жизни сделал? В чем грешен? А то, что в любви не получилось, это не грех, а несчастье.

Фрол долго сомневался, боялся браться за такую работу: распятие строгать, но все же согласился. Не думал тогда он о прощении, считал, что не заслуживает его, а распятие делал так, чтобы люди Бога не забывали.

Однажды закрылся старик в сарае и начал строгать. Слезы на кресте у Маруси вскоре исчезли. Иван пришел к Фролу, рассказал об этом, но выводов делать не стал. Решил, что он сам все поймет.

Через месяц Фрол закончил работу. Никому не показывал, пригласил Ивана. Тот посмотрел, зубами заскрипел и за сердце схватился:

– Что же ты, старый, сжался? – стал ругать его Фрол. – Не нравится? Может, я в чем ошибся?

– Нет! Все сделал верно, – прохрипел Иван. – А боль скрутила, потому что правду увидел! Это ж надо так страдания и муки Господа передать. Не могу смотреть, сам эту боль чувствую. Мастер ты от Бога. Не оставит Он тебя с такой тяже-

стью. Простит тебя и Маруся. Уверен я в этом! А иначе и быть не может!

Но Фрол в тот день испугался, подумал, не поймут его люди, когда распятие увидят, сторониться станут. Понял, что не простой крест у него получился. Пока в сарае сидел да делал, привык, главного не заметил, а как со стороны посмотрел, почувствовал силу. Попросил он друга тайно распятие в церковь перевезти, чтобы никто не узнал о его работе.

Ночью Иван пригнал телегу. Замотали они крест в одеяло и в церковь отвезли. В воскресенье, на службе, люди спрашивали у батюшки, откуда такое распятие необычное появилось, а тот отмалчивался, не говорил, но многие догадались. Да и как не догадаться! В деревне все на виду. Каждый знает, кто на такое способен. Стали бабки шушукаться, что крест этот Фрол смастерил – больше некому. Поговорили об этом, да и забыли, а перед Пасхой появились на кресте капельки, и в церкви черемухой запахло. Все собрались, из области священники приехали. Проверяли, исследовали, но так и не дознались, кто это распятие церкви подарил. Просили Ивана рассказать, убеждали, но батюшка просьбу друга выполнил: – Не могу назвать мастера, слово дал, – отвечал он всем.

Прошли дни, недели, зиму перезимовали. Весной к Фролу внук погостить приехал, да не один, а с невестой. Увидел дед девушку, и радость почувствовал. Вылитая Маруся, как оказалось, ее внучка. Порадовался старик за них, попросил внука не обижать девушку, а тот и сам признался, что влюб-

лен в нее дальше некуда.

К концу лета счастливый Фрол так с улыбкой и помер. Съехалась родня Фрола и Маруси, вся деревня пришла проводить его. Друг Иван отпел его, как полагается, со всеми почестями. Понял, что ушел из жизни Фрол с чистым сердцем.

Похоронили люди мастера с матерью и отцом, но так получилось, что на маленьком деревенском кладбище могила Маруси рядом оказалась. Увидел Иван это и решил, что сошлись их души, а может, и не расставались. Через семь лет он и сам ушел из жизни, но все эти годы рассказывал людям, о том, как жить нужно и как ошибки не делать, которые к старости болеть начинают. А если есть грехи, то искренне прощения просить нужно.

До сих в деревне вспоминают о двух друзьях: мастере и священнике. Крест Фрола почитают. Перед смертью рассказал Иван, кто его сделал. Имя Фрола, как мастера, под крестом написали. Многим он помог, от болезней исцелил, потому что сделал его старик с душой и открытым к Богу сердцем, и за грехи свои искренне прощения попросил.

Живое небо-океан

Что такое небо? Это не просто воздух, или там атмосфера. Небо – это что-то большее. Мы видим его каждый день, но не осознаём, что рядом с нами огромный, живой океан. Да, конечно, плавают по этому небу-океану самолеты, в ко-

торых сидят спящие пассажиры, и, когда стюардесса с улыбкой называет небо – океаном, а пилота капитаном корабля, все даже и не догадываются, что она действительно говорит правду. А высота – это глубина. И чем выше самолёт, тем глубже океан, по которому «плывут» беспечные граждане по своим делам.

Однажды, в деревне присев на пушистую траву, около мелкой, в один прыжок речки, на дне которой виден жёлтый песок, и резвящиеся в одиноких травинках пескари, я заглянул в трепетную, чистую даль и задумался: «Неужели этот голубой океан безмолвен? Конечно нет! Он живой! И в данный момент, просто рвется в моё сознание своей лёгкостью и чистотой, говоря мне – откликнись».

Я медленно опустил на пушистую траву, стараясь не причинить ей боли своим весом, и закрыв глаза, взлетел в бескрайние просторы неба-океана.

Интересно, почему, закрыв глаза, я продолжал видеть небо, его чистый, манящий свет? Неожиданно, я почувствовал лёгкость в теле, и какие-то невидимые волны подхватили меня и понесли прямо к облакам. Я чувствовал, как набираю скорость, и мне даже стало немного страшно оттого, что я сейчас врежусь в облако и разобью его своим неуклюжим телом. Но облако не разлетелось на кусочки, а наоборот, обволокло меня, нарядив в небесный костюм путешественника. И я, воздушный медленно поплыл по небу-океану не в силах сдержать восторг, который прорвал плотину молча-

ния и вырвался длинным криком. Этот крик, отражённый в небесных зеркалах, превратился в звонкую красивую песню, которая начала ласкать слух. Я даже забыл, что это мой крик, и небесное эхо, подхватив его, поёт вместе со мной.

А я летел, летел, летел... и мечтал одновременно. Огромные облака, похожие на корабли, проплывали мимо, и невидимые матросы приветствовали меня. Я видел их улыбки и отвечал им тем же. Невообразимая лёгкость продолжала жить во мне, и я, постепенно поднимаясь выше и выше, узнавал себя. Именно себя, только мальчишку, кувыркающегося в пушистых облаках, и, как птица, рассекающего небо-океан стремительным полётом. Потом падал, как орёл, вниз и ловил себя у самой земли. И оттуда, снова взлетал и с огромной скоростью врезался в облака. Ещё мгновение, и я вновь видел себя всё тем же мальчишкой, только спящим на пушистом облаке-перине. А вокруг летали неизвестные мне красивые существа, и каждое из них первым старалось рассказать о своём сказочном и фантастическом мире. Я погрузился в сон с улыбкой. И облако-перина засыпало вместе со мной, замирая в небесном океане. И даже весёлый, лёгкий ветерок боялся побеспокоить меня. Покой растёкся по облаку и обволок его приятной, невидимой ленью.

Но ветерок, всё же решился разбудить меня, непоседу, и ласково погладил по лицу воздушным крылом. Его лёгкое дуновение проникло в меня и унесло сознание ещё дальше – в бесконечные просторы космоса, где я освобождаю таин-

ственные миры и люблю. Именно люблю огромной чистой любовью всю эту красоту.

Первые капли дождя как-то легко, боясь обидеть, упали на лицо. И я, вернувшись из бескрайнего океана-неба, открыл глаза и увидел огромные волны-тучи, которые предреждали – скоро начнётся гроза. Я поднялся и, несмотря на начавшийся дождь, медленно пошёл в деревню, где меня ждал горячий чай с мягкими пряниками и доброе домашнее тепло. А дождь провожал, и как бы стесняясь, извинялся, за то, что намочил меня, стараясь отвести в стороны свои нити, которых так заждалась уставшая от жары земля.

В этот момент я понял, что небо – живое и сегодня, оно поделилось со мной своей тайной.

Ночь, которой не было

Я мчался по трассе, пытаюсь быстрее добраться домой. В салоне звучала музыка, и я сразу не заметил, что машина стала глохнуть. Свернув на грунтовую дорогу, остановился и вышел, чтобы заглянуть под капот и выяснить причину. Но, увидев окружающую природу, об автомобиле забыл.

Длинной, извилистой лентой протянулась сквозь пшеничное поле старая, ухабистая, почти заросшая дорога. Сделав несколько шагов в его глубину, я оказался в жёлтом качающемся море. Погладив рукой колоски, вдруг почувствовал, что именно в этих местах, я снова прикоснусь к тайне. Внут-

ри что-то сжалось, и неведомое чувство опасности охватило напряжением всё тело. Но золотое море, переливаясь огромными волнами, ласкало и успокаивало. Я посмотрел в даль и заметил у горизонта несколько брошенных избушек. Поглаживая ланью колючие колоски, я продолжал стоять и смотреть. Вдруг, мне показалось, что это загадочное море живое. Оно плавно перерастало в тёмную синеву леса, и выглядело огромным существом, которое открыло пасть и показало, что внутри у него что-то есть. Стоит пройти по извилистой дороге и зайти в любую брошенную избу, как вдруг, эта пасть закроется и тот мир, к которому сейчас дорога открыта, станет полностью изолирован. И это огромное существо, будет держать в плену и неизвестно когда отпустит.

Любопытство взяло верх. Я, конечно, успокаивал себя, тем, что деревня обычная и тот ужас, который она на меня нагнетает, вызван простым отсутствием жизни. Люди покинули ее, и деревня стала страшной. Но я, всё же решился, и сев в машину, тихо поехал к полуразрушенным избам. Странно, но машина работала, как часы. Плавно качаясь, проезжая кочки, я что-то услышал. Заглушив двигатель, остановился и стал прислушиваться. Вокруг стояла тишина, пронизывающая всё живое, странная, глухая тишина. Ветер, который, совсем недавно развлекаясь, качал колосья, создавая неповторимую музыку шелеста, куда-то улетел. Огромное поле пшеницы замерло. Оно стояло не двигаясь, как нарисованное. Птичий перезвон умолк, и тишина, провела по

дороге невидимую черту, наверное, проверяя меня, смогу ли я перешагнуть через неё и оказаться в тайне.

Я решил ехать дальше, но почему-то обернулся. По трассе, с которой я свернул, мчались машины, и мне показалось, что водители уже не видят меня. Я резко завёл мотор и включил заднюю скорость, но чей-то пристальный взгляд остановил меня и я снова посмотрел на деревню. Да, именно оттуда, я почувствовал этот взгляд. Я не мог разобрать кто это, но точно знал, что там меня ждут, и, связывая моё сознание тяжёлым взглядом, зовут к себе. Я стал внимательно всматриваться в дома, деревья, кусты, стараясь вычислить человека, или может быть зверя. Времени прошло много, а я всё смотрел, осознавая, что нахожусь на границе двух миров, понимая, что от меня ждут действия. Опустив голову, как бы прячась от этого навязчивого взгляда, я резко включил передачу и, сорвав с места, как настоящий гонщик, пролетел по дороге, остановив машину у первого дома. Огромное облако пыли догнало и окутало автомобиль. Подождав, пока пыль осядет, я вышел из машины и несколько минут стоял молча, рассматривая деревню. Я чувствовал чьё-то присутствие и поэтому крикнул в надежде, что кто-то отзовется. Но тишина, проглотив мой крик, восстановила тяжесть молчания. Удивительно, но как только я оказался в деревне, страх исчез, и на смену ему в душе появились спокойствие и уверенность.

Неожиданно, старая дубовая дверь полуразрушенной из-

бы, у которой я стоял, закрипела и открылась. Сквозь сумерки дома я увидел стол, на котором стояли кувшин, накрытый полотенцем и глиняная кружка. Я смело вошёл в дом и увидел, что в кружке налито молоко. Выпил залпом, утолив проснувшееся чувство голода. Тепло и свежесть молока согрели, и я почти успокоился, вспомнил детство, и такую же старую избу, в которую каждое лето приезжал на каникулы.

Я сидел и рассматривал заросшие паутиной стены. Мне казалось, что дом этот я знаю, но вспомнить не могу. Знакомый запах старой избы о чём-то подсказывал мне, но память повесила амбарный замок и не хотела разгадывать эту головоломку. Где-то в полумраке, загремели сложенные у печи дрова. Я вздрогнул, прислушался и решил подойти к ним, надеясь кого-нибудь увидеть. Но нашёл лишь открытый коробок спичек, оставленный на верхнем полене. «Хозяева желают, что бы я растопил печь?» – предположил я и, взяв коробок в руки, зажёл спичку, осветив её пламенем темноту печи. Внутри стояли сложенные ёлочкой щепки. Я машинально сунул в них горящую спичку, и они сразу вспыхнули. Я вспомнил, как её разжигают, потому, что мальчишкой много раз видел это, и даже помогал. Осмотрев печь, я открыл заслонку, чтобы дым не шёл в избу и стал подкладывать, сначала тонкие, а затем толстые, потемневшие от времени, поленья. Я наблюдал, как они, охваченные живыми языками огня, разгораются. Подложил ещё, и печь заохала, запыхтела,

проснувшись от долгого сна. Вернулся к столу, сел на лавку и стал смотреть на огонь. На него, можно смотреть целую вечность и думать, собирая из хаотичных воспоминаний давно забытую картинку из детства, где я, совсем маленький, сижу напротив печи и о чём-то мечтаю. Интересно, о чём я тогда мечтал? Наверное, о велосипеде или о гитаре. А может, я мечтал стать взрослым и эта изба именно та самая, из моего детства. Может, я перешагнул во времени назад, и моя мечта, стать взрослым – сбылась? А добродушная хозяйка, моя бабушка, которая давно умерла? Я посмотрел на стол и увидел, что в кружке снова налито молоко, а в плетёной тарелке, которая неожиданно появилась, лежит мягкий деревенский хлеб. Я не видел, кто налил молоко и принёс хлеб, но всё же вслух поблагодарил доброго хозяина или хозяйку за угощение.

Откусив хрустящую корку, я узнал, вспомнил вкус хлеба, который пекла в печи бабушка. Я вспомнил её, и в душе появилась боль: «Тяжёлая у неё была жизнь. Если бы она была жива, порадовалась бы за меня, каким я стал», – подумал я и закрыл глаза. Откуда-то, сквозь потрескивание дров, слышались слабые голоса. Сосредоточившись, я разобрал и узнал их. Это моя мать чем-то гремит в сенцах, тётка ругает моего брата Андрея, который залез на чердак и не хочет слазить обедать. Брат Гена над чем-то смеётся во дворе. А, это отец поймал котёнка, которого мы прозвали «Псик» и что-то хочет с ним сделать, но бабушка ему не разрешает. Смешной

был котёнок. Он не мяукал и не фыркал, а как-то странно «псикал», за что и получил такое имя. Весело, дружно мы тогда жили. Доброе радостное чувство охватило всё тело, но на щеке появилась слеза. Я открыл глаза и увидел, что дрова в печи почти догорели. Подняв несколько поленьев, я сунул их в угли, и печь, ожив, снова заохала.

«Кто здесь?» – Спросил я сам себя. Внимательней рассмотрев глиняный, ручной работы кувшин, я понял кто. Именно такой кувшин с отколотым краем всегда стоял с утра на столе, после утренней дойки, и дожидался, когда же я проснусь. Мне даже стало смешно. Не может быть? Я отказывался верить своим глазам. Но кувшин был тот, и объяснить этого я не мог. Я встал и прошёл вглубь комнаты. Комната очень похожа, только мебели нет. Я всмотрелся в темноту, и увидел на стене «Трёх богатырей», нарисованных на небольшом коврикe, который висел над кроватью. Я отошел в сторону, и видение утонуло в темноте. Да, действительно, окна те, по крайней мере, столько же. Но, стола этого я не помню. «Откуда стол?» – задал я сам себе вопрос. – Странно всё это?

На столе вместо кувшина с кружкой появились несколько щепок. Я взял их в руки и подошёл к печи, что бы лучше рассмотреть. Щепки были обыкновенными. Откуда-то в сознании появилась мысль, что их надо бросить в огонь. Я так и сделал. Охваченные пламенем щепки затрещали, и из печи, несмотря на хорошую тягу, пошел в комнату дым. Он не

развеялся туманом, а повис своими нитями в воздухе, разрисовав пустоту причудливыми формами. Я вернулся за стол, и стал рассматривать его. Сначала, разглядел дорогу, и весь этот вышедший дым нарисовал в комнате карту, которую я постарался запомнить. Затем дым, подхваченный дуновением легкого ветерка, сформировал лицо. Доброе, простое лицо. И это лицо, как будто о чём-то говорило мне, рассказывало о тайне, которую я должен знать. Я ничего не понимал и ничего не слышал, но чувствовал, что неведомая мне информация, поступает в моё сознание. Почему-то понял, что лицо живёт, пока горит в печи огонь. Как только дрова прогорали, лицо старело, и исчезало. Быстро подбрасывая поленья, я видел, как лицо молодеет. На улице давно наступила ночь, и всё это время, всю ночь, я следил за огнем, продолжая жизнь своему видению. Странно, но дрова у печи не кончались, и поток информации, который продолжал вливаться в меня, казался бесконечным. В какой-то миг всё оборвалось, и огонь в печи, и видение, и ночь. На улице расцвело, и утренние лучи солнца ворвались в темноту комнаты. Обернувшись, я снова увидел на столе кувшин с молоком и хлеб. Только на этот раз кружка была пуста, и молоко я налил себе сам. Позавтракав, я вышел на улицу. Птичий перезвон сливался с шумом леса, а пшеничное поле шелестело своими колосьями. Я посмотрел на машину и вспомнил, что ещё вчера должен был приехать домой. «Наверное, все волнуются, переживают, обзванивают знакомых», – тревожно подумал я.

В кармане зазвонил сотовый, и я услышал голос жены: «Не волнуйся, скоро приеду», – закричал я в трубку. – Со мной всё нормально!

Я быстро сел в машину и помчался к трассе. Подъезжая к городу, я вдруг опомнился, набрал домашний телефон и попросил жену подождать и успокоиться. А сам, решил вернуться в заброшенную деревню.

Подъехав к пшеничному полю, я долго стоял и смотрел, в очередной раз, не веря собственным глазам. Никакой дороги, тем более деревни я не видел. Проехав всю трассу, туда и обратно несколько раз, другого поля я не нашёл. Вернувшись к нему, я сошёл с дороги и вновь вошёл в огромное золотое море. Сорвав несколько колосков, я вернулся к машине. «Что это было?» – Спросил себя, вспоминая вчерашнюю ночь. Но прошедшие события не поддавались объяснению, и я решил ехать в город, что бы скорее записать подробности ночи, которой не было.

Поцелуй смерти

Наверное, мы дружили? Хотя дружба была странная. Встречались, когда у неё что-то случалось, или просто не с кем было провести время. И именно в эти отрезки времени она вспоминала обо мне и звонила, требуя встречи. Я, конечно, соглашался, приходил и выслушивал её однообразное нытьё. Но вот однажды, она позвонила, и я почувствовал в

её голосе страх. У неё умерла бабушка, которой было почти сто лет. Я попытался успокоить её, объяснял, что так устроена жизнь, и мы все когда-нибудь умрём, но все мои старания были безуспешны. Мы встретились у фонтана. Я сразу не узнал её. Она сидела, съёжившись на лавочке, бледная и испуганная. Я сел рядом и попросил объяснить её, что же произошло на самом деле?

После долгого рассказа о родственниках, об их тайных способностях, я понял, что эта девочка родилась и выросла в семье, члены которой всерьёз занимаются чёрной магией. И вот, произошло то, что в принципе должно было произойти. Умерла бабушка – старейшая из всех оставшихся, и по семейному обычаю, она должна передать свои способности внучке. Другие, например, передают при жизни, мать учит дочь. А в этой семье, после смерти, и от бабушки к внучке.

Дух умершей попадает в деревню, которая одновременно существует в нашем мире и неизвестном пространстве, в котором умершие ожидают своей участи. И ей, предстоит поехать в эту деревню и встретить свою бабушку, которая отдаст любимой внучке свою силу.

Я внимательно слушал эту испуганную девушку, понимая, что мне придётся ехать с ней, так как кроме меня у неё не было близких друзей, которые смогли бы поверить во всё это. Я согласился и увидел на её бледном лице улыбку.

В этот вечер мы пришли к ней и встретились с родителями. Отец хотел, что-то возразить, но она сказала ему: «Он в

курсе и поедет со мной!» После этих слов все лишние вопросы родственников отпали сами собой. Позже, за чаем её мать рассказала, что в своё время она тоже ездила в эту деревню, и что кроме умершей бабушки придется встретиться и с другими умершими, которые застряли между мирами и прибывают там. «Некоторые из них очень агрессивны. Главное, не позволить какой-нибудь покойной даме вцепиться тебе в волосы, а то затянет, и останешься там навсегда» – объяснила её мать и пристально посмотрела на меня. В этот вечер мы засиделись, долго выслушивая инструкции, как, и что делать. Назначили число и договорились, где встретимся.

Назначенный день пришёл. Я стоял на вокзале и ждал её. Она пришла одна, без провожатых, с небольшой сумкой. Поезд подошёл, мы сели и отправились навстречу судьбе. Всю дорогу молчали и смотрели в окно, каждый думал о своём. Я решил нарушить молчание и спросил: «А может, вернёмся»? Но в ответ лишь увидел взгляд. Холодный, колющий взгляд, который объяснил, что дороги назад нет.

Приехали рано утром. Быстро сдали постельное бельё проводнице, и вышли из поезда. Старый сталинской постройки вокзал, больной, после пьяной ночи милиционер и пара старушек стояли на платформе. Они даже не обратили на нас внимания, а мы, вышли на дорогу и неторопливо отправились в деревню, до которой нужно было идти девять километров. Где-то на горизонте виднелся лес, а дорога петляла между заброшенными фермами и бывшими колхозны-

ми полями. Казалось, что она бесконечна, и мы ходим по кругу. В голове появилась мысль: «Бесы по кругу водят, не хотят пропускать». Но, всё же мы вышли к окраине леса, и я увидел старые полуразрушенные дома. Деревня была брошенной, но в одном из домов всё же жил старик – Егорыч, к которому мы и пришли. Вместо привычного приветствия моя спутница резко обратилась к нему: «Я внучка Светланы Ивановны». Тот молча посмотрел на неё, потом на меня, повернулся и, вытянув вперёд руку, закрипел старческим голосом: «Вон её дом, где калитка открыта». Мы повернулись и пошли к дому. Неожиданно, я почувствовал, как меня кто-то схватил за руку. Я обернулся: «Егорыч, ты что?» – Спросил я старика. «Будите назад возвращаться, запомни вопрос, «Когда?» Ей-то ничего не будет, а ты главное спроси». «Кого спрашивать то?» – Поинтересовался я. «А всех, кого встретишь», – хмуро ответил старик, косо посмотрел на меня, повернулся и пошел в свой дом.

Она ушла вперёд, пока я разговаривал с дедом. Но я догнал её и в дом, мы вошли вместе. Изба была старой. В сенцах валялись старые вёдра, веники и грязные мешки. Мы с трудом пробрались в комнату. Комнат в доме было две. В первой стоял стол и три табуретки. Сквозь грязные окна с трудом пробивался свет. По углам висело много паутины. Обои целыми листами отклеились и торчали своими рваными краями в разные стороны. Под ними были видны черные, наполовину сгнившие доски. Во вторую комнату дверь была

закрыта. Я попытался войти в неё, но она, остановила меня:

– Стой! Пока располагайся здесь, но, ночевать будем на чердаке.

– Почему? – Поинтересовался я.

– Хочешь узнать?

– Конечно, – настойчиво ответил я.

Она открыла дверь во вторую комнату, и я увидел на старой железной кровати покойную бабушку. Она лежала, полузакрытая белой простынею сложив руки на груди. На голове был повязан белый платок, но не он, не белая простынь не могли сгладить её костлявую старость и мрачное лицо смерти. Ноги затряслись, холодный пот прошёл по спине.

– А разве её не похоронили? – Почему-то спросил я.

– Похоронили, в гробу, и в землю закопали. Но, сейчас она здесь.

Я посмотрел на свою подругу и увидел, как она изменилась. Вместо той заплаканной и испуганной девушки, я увидел холодную, безжалостную даму, для которой покойная в доме, которую не так давно похоронили, обычное дело. С улицы кто-то позвал нас, и мы, пробравшись сквозь мешки и ведра, вышли из дома и увидели старика. Он приехал на телеге, в которой лежали два матраца и подушки. Постельное бельё, как я позже понял, она взяла в доме, в той самой спальне, в шкафу, но наволочки для подушек привезла с собой. Старик молча отдал нам привезённые им матрацы и подушки и снова пристально посмотрел на меня. А потом неза-

метно подмигнул и тихим голосом произнёс: «Помни, «когда?»»».

С другой стороны дома стояла широкая лестница. По ней я залез на чердак, затащил матрасы с подушками и приготовил две отдельных постели. Весь чердак был завален сеном и в этом душистом аромате, да ещё среди леса, где воздух разрывает лёгкие, и заставляет дышать через раз, ничего не страшно, если бы не покойная. Я завалился на один из матрасов и решил обдумать происходящее, но не успел. На чердак залезла она и резко произнесла: «Кровать делай одну, большую. Спать будем вместе». Я не ожидал такого поворота. Конечно, мы дружили, но каких-либо сексуальных отношений между нами не было. Я ничего не ответил и молча стал устраивать спальное ложе. А она спустилась вниз и стала наводить порядок в доме. Убрала вёдра, расчистила проход. В комнате, сняла веником паутину и отмыла стол. Когда я спустился с чердака и зашёл в комнату, то увидел на столе термос, одноразовые тарелки со стаканчиками, и аккуратно разложенные бутерброды. Понимая, что в соседней комнате покойная, кусок в горло не лез. Я лишь выпил горячего чая, который оказался специальным отваром из трав. Появился аппетит и я съел пару бутербродов, в которых вместо мяса, как, оказалось, были органы животных, специально обработанные и приготовленные по особому рецепту. Вкусно ничего не скажешь, особенно если не знаешь, что ешь. Утолив голод, мы стали говорить о поэзии, кино, перешли на филосо-

фию. У неё в глазах разгоралась страсть, и я видел её и хотел слиться с ней. Возможно, это отвар и вся остальная пища на меня так подействовали, но я просто не мог сдержаться и чувствовал, как она, рвётся ко мне. Я не выдержал, встал, подошёл и обнял её, а она только и ждала этого. Я почувствовал, как она дрожит, и желает меня. Её руки обвили мне шею, и мы слились в горячем поцелуе, совсем не обращая внимания на то, что лежит в соседней комнате. Она нежно оттолкнула меня и сказала: «Иди на чердак, я скоро приду. Возьми термос и стаканчики». Я посмотрел в её зелёные глаза и увидел, что пришло время оставить её одну. Быстро забрался на чердак, разделся, лёг на хрустящие простыни, которые она принесла из комнаты и постелила, сразу после того, как я устроил постель, и стал ждать. Закурил. Вместо пепельницы приготовил ведро, чтобы случайная искра не зажгла сено. Вскоре на чердаке появилась она, усталая и бледная. Я даже заметил лёгкий пот на лбу. Она принесла керосиновую лампу, свет от которой превратил старый чердак, заваленный сеном, в таинственный зал подземной пещеры. Налила из термоса отвар, выпила, закрыла глаза ладонями и прошептала непонятные слова. А я, как дурак, лежал голый в постели и мне стало жутко оттого, что я, так же как та, в комнате, валяюсь под белой простынёю, осталось только руки сложить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.